

САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

КОДАН

НЕБЕСНАЯ СЕКИРА

Леон Спред де Камп
Лин Картер

ОСТОРОЖНО!
В этой книге
водятся
чудовища

Annotation

Прошел уже год с той поры, когда у королевы Офира Марэлы похитили талисман, который называется Звезда Хоралы. Сама она заперта в башне под надзором, а ее супруг, Морантес, только фактически король страны, реально же это граф Риджелло. Многих не устраивает такое положение вещей, но им приходится мириться.

И вот в Офир приезжает киммериец, который решает освободить королеву и за вознаграждение вернуть ей Звезду Хоралы..

- [Звезда Хоралы](#)
    - [1. Путь в Ианту](#)
    - [2. Когти дракона](#)
    - [3. Башня](#)
    - [4. Пламя в скалах](#)
    - [5. Погоня](#)
    - [6. Замок Теринго](#)
    - [7. Рыцари минувшего](#)
    - [8. «Нам не дано предугадать...»](#)
-
-

Звезда Хоралы

1. Путь в Ианту

Широкая река медленно струилась меж берегов двух сопредельных королевств — Кофа и Офира; воды ее текли к западу, к Хороту, и поток, величественный и неспешный, выглядел сейчас дремлющим зверем, утомленным после ночной охоты. Но внезапно послышался топот, радужным облаком взметнулись вверх брызги, поднятые копытами скакуна, и река словно бы ожила: казалось, течение ее стало быстрей, а блеск вод — ярче. Конь, благородное и сильное животное, прынул с берега, тяжело поводя боками после долгой скачки; его круп блестел от испарины. Он потянулся к воде, но седок, опасаясь, что холодная влага может повредить разгоряченной лошади, дернул поводья.

Серая дорожная пыль с ног до головы покрывала всадника: и его одежду, некогда черного цвета, и лицо, на котором струйки пота пробороздили светлые потеки. Лишь рукоятка меча сверкала, словно ее только что надраили мелким наждаком и протерли маслом. Конан из Киммерии, бродяга из горной страны, лежащей далеко на севере от этих мест, всегда считал, что оружие должно быть чистым, хорошо наточенным и готовым к бою. Долгое путешествие по караванным тропам в степях и пустынях Шема и в лесах Кофа только подтвердило, что эта привычка киммерийца не была пустой прихотью.

Он положил руку на пояс, чтобы проверить, на месте ли кошелек. Приятная тяжесть убедила его, что все в порядке — Звезда Хораллы была с ним, в кожаной сумке, подвешенной к ремню. Этот крупный сапфир, оправленный в золото, не так давно был похищен у прекрасной Марэлы, королевы Офира, а затем, поменяв нескольких владельцев, попал в руки Конана — тоже не вполне праведным путем; просто-напросто был украден в славном городе Шадизаре у колдуна по имени Лиаренус.

Мурашки забегали по спине варвара при одном воспоминании о жилище чародея, где он чуть было не превратил их с Нинусом, верным компаньоном, в двух глиняных болванчиков.

Киммериец считал, что имеет смысл вернуть сокровище его законной владелице, однако руководило его намерениями отнюдь не чувство справедливости. Кром, разумеется, нет! Если оказать такую услугу юной королеве могущественного, богатого, обильного золотом Офира, то, рассчитывал Конан, оплата должна быть достаточно щедрой. Может быть, даже удастся приобрести благородный титул, а уж в том, что золота хватит

на покупку обширного поместья, и сомнений быть не могло.

В Офире в нынешние времена было неспокойно. Прошло уже несколько столетий с той эпохи, когда один умный, честный и предусмотрительный нобиль сумел установить что-то вроде союза между королем и чванливой огирской аристократией. Тогда был подписан договор о всеобщем мире и согласии, и об этой успешной попытке установить покой и порядок до сих пор с уважением и благодарностью вспоминали в Офире. Однако усилия пращуров не были в должной мере поддержаны потомками, и в злой час король Морантес, желая укрепить пошатнувшийся трон, воззвал к своим вассалам — в результате чего разразилась жестокая междуусобная свара.

Перейдя границу, Конан выбрал кратчайший путь к столице королевства, богатой, древней и прекрасной Ианте. Первые дни пути по огирским владениям не отличались особым разнообразием: кругом были лишь сухие степи, убогие жилища скотоводов да пастбища — вместо пышных садов и плодородных полей. Затем пейзаж стал более приветливым: вдоль дороги потянулись фруктовые рощи, виноградники и тучные нивы, радующие глаз золотом спелой пшеницы.

Однако жители сих мест не отличались доверчивостью и веселым нравом. Остановиться на ночлег и купить себе пропитание киммериец еще мог, а вот получить ответы на свои вопросы удавалось далеко не часто — селяне либо с редкостной лаконичностью роняли пару слов, либо вообще отмалчивались, делая вид, что не понимают варвара. Конан и сам не отличался особой словоохотливостью, но поведение местных жителей удивляло и раздражало даже его; временами ему казалось, что на этот народ будто бы наложено неведомое заклятие. Наконец, достигнув преместьев столицы, киммериец остановился в придорожном трактире. Его хозяин, к счастью, оказался более разговорчивым, чем другие, и, сидя за кружкой с добрым огирским вином, Конан начал осторожно подбираться к волновавшей его теме:

— Такое впечатление, почтенный, что в твоей стране чума! Уж больно народ невеселый и пугливый... Будто ждут от каждого пришельца, что он заразит их и пошлет пряником на Серые Равнины... Все точно в рот воды набрали! А урожай, видел, отмененный... И Огир сейчас ни с кем не ведет войны... Так что же, в конце концов, случилось? В самом деле пришла чума?

— Нет, страх, — коротко ответил ему хозяин. — Страх и опасения! В королевстве происходят странные и непонятные вещи; благородные нобили затворились в своих поместьях и, наверное, готовятся к войне, а с королем

приключилось что-то неладное... Прошел слух, будто владыка наш Морантес уличил в неверности свою супругу и бросил ее в подземелье. Но люди не могут поверить в это! Королева нередко путешествовала по стране, и все ее хорошо знают... И, поверь, никто никогда не мог сказать о ней худого слова! Простой народ любит ее за справедливость и доброту.

— Короче говоря, — на губах Конана появилась кривая усмешка, — ваш король просто-напросто спятил, да? Все об этом знают, и все боятся обронить хоть словечко. Верно? Но кто же тогда управляет страной вместо коронованного безумца?

— Граф Риджелло, его двоюродный брат. В свое время он был в опале, но сейчас, похоже, вновь вернулся во дворец.

— А за что был изгнан этот Риджелло? — поинтересовался киммериец.

— Пять лет назад год выдался неурожайным, и многие крестьянские семейства не смогли уплатить положенного оброка. Риджелло решил вопрос просто — скег десяток деревень, и тогда остальные в страже отдали все, что было, а потом множество народу померло от голода. Если его возвращение ко дворцу не просто слух, то всем нам несдобровать...

Внезапно возникший шум заставил собеседников прервать разговор. Дверь распахнулась, и на пороге трактира появился седовласый воин в полном доспехе; на его груди сверкала эмблема, изображавшая звезду. Остановившись посреди зала, он сорвал с головы шлем и с яростью швырнул его на пол.

— Вина, и побольше! — зарычал он. — Чтобы хватило не только промочить горло, но и высушить душу, клянусь хвостом и копытами Нергала!

Служанка поспешила поставить перед вошедшим кувшин вина и глиняную кружку. Конан бросил на воина внимательный взгляд.

— Что это за человек? — негромко спросил он у хозяина.

— Принесла его нелегкая! — с досадой ответил трактирщик. — Могу спорить, что ему нечем будет заплатить за выпивку! Это капитан Гарас, раньше он служил в отряде личной гвардии королевы Марэлы. А теперь, после того, что случилось, отряд его разогнали. Вот так!

— Возьми! Здесь хватит, чтобы заплатить за ужин для нас обоих, да еще тебе останется, — Конан протянул трактирщику серебряную монету. — Только держи язык за зубами, помалкивай о нашей с тобой беседе и о том, что тебе удастся подслушать из моего разговора с Гарасом.

Хозяин открыл было рот, желая высказаться насчет своей честности, но холодный взгляд Конана из-под нахмуренных темных бровей лучше

всяких слов объяснил ему, что самое время заткнуться и подавать заказанный ужин. Трактирщика словно порывом ветра сдуло на кухню. Тем временем киммериец, прихватив свою кружку, перебрался за стол капитана Гараса и уселся напротив, даже не спрашивая его позволения.

— За твоё здоровье, капитан! — Он поднял свою кружку. — За твоё здоровье и долгую счастливую жизнь!

— Клянусь Митрой, ты что, насмехаешься надо мной, парень?! Только последним олухам неизвестно, что честь воина дороже жизни... Я должен был отдать жизнь, защищая свою королеву, но мне не дали этого сделать. Так зачем мне теперь здоровье и долгая жизнь, а? Только для того, чтобы еще и еще раз переживать свой позор?

Конан хотел было извиниться, но его прервал раздавшийся от двери громкий возглас:

— Вот он, предатель! Взять его! Хватай!

Появившийся на пороге рыцарь — высокий человек с обезображенными длинным шрамом лицом — указал рукой, обтянутой кольчужной перчаткой, на капитана. Вошедшие с ним трое солдат в черных доспехах бросились вперед.

Седовласый капитан не успел даже выхватить свой меч, как на его плечах повисло двое воинов. Тут киммериец решил, что пора вмешаться, и, вспрыгнув на стол, ударом ноги отбросил одного из черных солдат к противоположной стене трактира. Второй попытался было ударить Конана мечом по ногам, но ему удалось рассечь только воздух: варвар подпрыгнул и в следующее мгновение вытянутыми ногами Оударил его в грудь, сбив на пол. Не давая противнику опомниться, Конан навалился на него и нанес несколько резких ударов, под которыми ребра воина затрещали, а из расквашенного носа хлынул поток крови.

Вскочив на ноги, киммериец успел своим мечом встретить клинок рыцаря. Капитан тем временем отбивался от двух противников: к последнему солдату присоединился очухавшийся после удара о стену его сотоварищ. Посетители трактира сочли за благо не участвовать в потасовке: кому повезло больше, тот успел выскочить на улицу, кому меньше — те жались к стенам или благоразумно прятались под тяжелыми деревянными столами.

Рыцарь со шрамом явно не был новичком в ратном деле. Конану пришлось отбить несколько опасных выпадов противника.

— Ты испортил мне выпивку, ублюдок! — рявкнул киммериец, внимательно следя за действиями противника.

— Тебе бы не о вине сейчас думать! Клянусь утробой Нергала, скоро

ты будешь сидеть в темнице у графа Риджелло!

Бойцом этот высокий рыцарь был действительно отменным. После не совсем удачного удара киммерийца он стремительно бросился в ближний бой, успев выхватить левой рукой кинжал и собираясь вонзить его в живот Конану.

Киммериец, отбросив меч, одной рукой перехватил кулак с зажатым в нем кинжалом, а другой — с непостижимой скоростью — ногу противника. Тот, не успев как следует понять, в чем дело, взлетел в воздух над головой Конана, а в следующий миг со страшной силой грянулся об пол. Оружие выпало из ослабевших рук, а сам рыцарь в черных доспехах лежал неподвижно, с трудом глотая воздух; затем изо рта у него хлынул фонтан крови.

Варвар подхватил свой меч и был готов продолжать бой, но капитану помочь больше не требовалась: последний из солдат, раненный в бок, был уже неспособен сопротивляться. Он мешком свалился у стены, и только губы его беззвучно двигались, моля о пощаде.

— Прикончи его! Нам надо уходить! — крикнул Конан.

Зрители посмелее, выглядывавшие из своих укрытий, увидели, как от резкого удара капитана череп бедняги разлетелся на две половины, словно спелая дыня. Затем Конан и Гарас вскочили на ждавших у коновязи лошадей — и вскоре лишь цокот копыт, затихающий вдалеке, напоминал о победителях, учинивших в трактире кровавую бойню.

— Любопытно, чего ради ты, чужестранец, решил спасать мою шкуру? — поинтересовался капитан, когда трактир остался далеко позади, и лошади, перейдя с галопа на рысь, неспешно потрусили вдоль мощенной дороги, ведущей в Ианту.

Конан рассмеялся.

— Ну, во-первых, я не люблю, когда мне мешают пить и есть, — заявил он. — А во-вторых, хозяин успел шепнуть мне, что ты был доверенным у королевы, а у меня к ней есть дело, в коем твоя помощь совсем не помешает... Ну, лошади немного отдохнули, и нам стоит поспешить!

Они пришпорили коней. Когда чернильная тьма ночи уступила место свету нового дня, и утреннее солнце позолотило купола храмов и вершины башен, когда его лучи весело заблестели в окнах домой и затейливых орнаментах решеток, всадники подъехали к столице Кофа, стоявшей на берегу Красной реки, притока полноводного и могучего Хорота.

2. Когти дракона

На деньги, которые киммериец добыл когда-то в Заморе, он приобрел себе и Гарасу обычное одеяние странствующих с капюшонами. В такой одежде они могли гораздо меньше опасаться, что их след унохают ищёйки этого мерзавца, графа Риджелло.

Новые приятели сидели в таверне «Дикий Вепрь» за грязным столом, на котором перед ними высился большой кувшин вина и стояли кружки. На этот раз они угощались в приятной компании — их собеседницей была смуглокожая молодая женщина, которая блестящими от выпитого вина глазами внимательно смотрела на путников. По виду ее можно было предположить, что эта хорошенькая смуглянка служит в доме какого-нибудь богатого землевладельца или нобиля.

— У меня нет большего желания, чем помочь нашей несчастной королеве! — воскликнула она.

— Ш-ш-шш! — приложил к губам палец Конан. — Ты с ума сошла, красотка! Такие речи не для чужих ушей. Лучше скажи, где сейчас находится королева?

— Она под охраной стражников графа Риджелло, в Западной башне дворца. Кроме десяти солдат, граф сам назначил служанок, которые приносят ей еду. И он следит, чтобы вокруг королевы не вертелись посторонние. Единственное исключение сделано для ее лекаря. А он, кстати, ее старый друг.

— Как зовут этого человека? — спросил Конан.

— Кафратес. Его дом рядом с Угловыми воротами.

— Ты — настоящий клад, красотка, — одобрительно хмыкнул киммериец. — Ну, я думаю, что сначала нужно хорошенько осмотреть эту самую Западную башню, а затем уж наведаться и в гости к лекарю.

Следуя за девушкой, Конан и капитан, не привлекая ничьего внимания, без помех прошли по улицам Ианты к Западной башне. Ее крепкая и надежная кладка до высоты примерно четвертого этажа не имела ни окон, ни даже бойниц — собственно говоря, башня являлась частью стены, отделявшей город от королевского дворца. В сумерках было хорошо видно, что из трех рядов окон, которые располагались выше сплошной кладки, несколько были освещены изнутри.

— За которым из них комната королевы? — тихим голосом спросил Конан.

— Вот оно, — девушка показала пальцем на третье справа окно во втором ряду.

— Что ты размахиваешь руками? — зашипел на нее Гарас. — Нам нельзя привлекать к себе внимания!

Киммериец подошел поближе к стене, чтобы хорошенько осмотреть кладку.

— Здесь нам не забраться, — высказал свое мнение Гарас.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Конан. — Стыки меж камнями забиты так плотно, что ни рукой не зацепишься, ни ногой не обопрешься. Будь у меня время, я бы, выскребая понемногу раствор делая щели чуть глубже, забрался бы на самый верх. Ты и представить не можешь, Гарас, по каким скалам я лазал у себя в Киммерии! Главное — сделать опору понадежнее, и все! Над этим придется подумать, а пока что уйдем отсюда. Мы ведь еще хотели навестить лекаря Кафратеса, так? Ну и отправимся к нему.

* * *

Лекарь — дородный пожилой мужчина плотного телосложения, на широкой груди которого лежала окладистая серая борода, — говорил неспешно, тщательно обдумывая свои слова:

— Меня не волнует, кто обращается ко мне за помощью: чтит этот человек закон или нет, вор он или нобиль — я дал клятву целителя! Конечно, я знаю почти всех наиболее ловких воров Ианты — сам понимаешь, я лечу людей уже не один десяток лет, — но имен их я никогда никому не называю. Само собой разумеется, королеве я отказать бы в такой просьбе не смог, но благородная Марэла понимает мою щепетильность в подобных вопросах и никогда не интересуется такими вещами.

Но теперь дела обстоят так, что мне придется нарушить свой обычай и свести вас с нужным человеком, с неким Торгрио. Когда-то он был весьма умелым, дерзким и удачливым вором и занимался похищением драгоценностей, которые, как считали их обладатели, хранятся в безопасности за высокими стенами и в крепких сундуках. Ныне же Торгрио удалился от дел — на деньги, заработанные бывшим ремеслом, он купил целый особняк и спокойно живет там, как почтеннейший из обывателей. Ну, иногда, может быть, слегка приторговывает краденным... Вот и все его грехи.

Торгрио жил невдалеке от богатого квартала нобилей — там, где

начинались улица Гончаров. Его дом не выделялся среди прочих ни размерами, ни какими-то особыми украшениями — простое, прочное строение, которое мог бы позволить себе не очень богатый, вышедший на покой купец. Разумеется, бывшему вору совсем не хотелось лишний раз напоминать людям о своем прежнем ремесле и нынешнем достатке.

Кафратес познакомил Торгрио со своими спутниками и коротко сообщил о деле, которое привело их сюда. Хозяин был человеком небольшого роста, щуплым и юрким; он как бы находился в беспрерывном движении, и в его повадках чудилось что-то паучье. Он улыбнулся и хитро подмигнул Конану:

— Я, как и нашуважаемый целитель, привык следовать своим особым правилам, но не могу не принять участия в таком достойном деле, как ваше. Так чем же я могу вам помочь?

— Надо забраться за Западную башню, — коротко сказал киммериец.

— А кто будет забираться — ты, что ли? — удивился Торгрио. — Мысль, конечно, неплохая, но я-то здесь причем?

— Может, тебе трудно будет в это поверить, но я когда-то лазил по стенам не хуже тебя, — и, думаю, ты прекрасно понимаешь, о чем речь. Я пользовался для этого особыми штуковинами и, думаю, что в Ианте тоже должно найтись нужное мне снаряжение.

— Может быть, и есть у кого-то, но почему обязательно у меня?

— Ну, а у кого ж еще? Ведь до сих пор не нашлось вора, превзошедшего тебя в мастерстве! А мне эти штучки необходимы позарез!

— Поскольку мы с тобой в каком-то смысле собратья по ремеслу... — начал сдаваться Торгрио и, подумав немного, наконец решился: — Джунция! — крикнул он, обернувшись через плечо. — Принеси мне когти дракона!

В комнату вошла немолодая женщина, неся какие-то непонятные железные штуковины. Торгрио, поочередно перебирая их, начал объяснять Конану, как ими пользоваться:

— Вот эта пара предназначена для рук, а эта — для ног. Обязательно оставляй прикрепленными к камню два захвата: один ручной и один ножной. Кстати, — засомневался он, оглядев могучую фигуру киммерийца, — влезут ли они на твои сапоги? Ну да ладно, как-нибудь приспособим! Слушай дальше: отрегулируешь захват по выпуклости камня, прижимаешь к нему, опускаешь рычаг... когда надо отцепить — поднимаешь рычаг. Понял?

— Это что же получается — ползать по стене, как муха! — с отвращением сказал Гарас. — Я не справился бы с этим, даже если бы мне

приказал сам Солнцеликий Митра...

Конан только разразился похожим на раскат весеннего грома хохотом.

— Никуда бы ты не делся, коль встал бы выбор: влезть на стену или погибнуть! полез бы, как миленький. В Киммерии мне частенько приходилось взбираться по крутым скалам — может быть, даже круче, чем стена этой проклятой башни.

Давай, Торгрио, опробуем твои причиндалы на стене дома — во дворе, само собой, лишние глаза нам ни к чему.

3. Башня

Как обычно, стража остановила Кафратеса у входа в темницу, где томилась королева Офира. Когда десятник ловкими привычными движениями обыскал его с ног до головы и убедился, что ничего недозволенного лекарь при себе не имеет, замки с металлическим скрежетом отворились — и Кафратес смог войти в камеру королевы Марэлы. К племенной владычице его проводила та самая смуглая хорошенъкая женщина, с которой Конан и Гарас повстречались в «Диком Вепре». Стены помещения, в котором содержали королеву, были занавешены коврами вендинской и иранистанской работы, на изящных столиках красного дерева сверкали золотые чаши на серебряных подносах, на ложе манили к отдыху шелковые подушки и пуховые перины. Для темницы убранство было весьма богатым, если не сказать — роскошным.

Однако королеву вся эта пышность утешить не могла; сейчас она лежала, уткнув лицо в подушки, и горько плакала — да так, что от рыданий сотрясалось все ее тело.

— Госпожа, — тихо обратилась к ней служанка, — ты сможешь принять целителя Кафратеса? Он пришел к тебе с обычным визитом.

— Входи, конечно, входи, дорогой друг! — Марэла подняла голову, все ее лицо было залито слезами. — Ты остался единственным человеком, которому я могу доверять! Оставь нас, милая Райма, — обратилась она к служанке. Кафратес приблизился к ложу, опустился на одно колено, почтительно приветствуя королеву, и с трудом поднялся, что-то невнятно пробормотав. Платком их тончайшей линяной ткани королева вытерла слезы и предложила лекарю присесть возле нее.

Схватив обеими ладонями руку Кафратеса, она горячо заговорила:

— Ты не можешь представить, как я рада твоему приходу, дорогой друг! Уже целый месяц я нахожусь в заточении за этими мерзкими стенами — без друзей, без знакомых... Да и какие друзья!.. Из всех них у меня остались только ты и моя верная служанка...

Райма говорила мне, что граф Риджелло ведет себя как полновластный господин, а его солдаты расположились в королевском дворце, словно армия завоевателем... Посоветуй, Кафратес, что же мне делать? Мой отец настоял, чтобы я вышла замуж за Морантеса, дабы наследники огирского трона были принцами королевской крови. Я не любила короля, но была верна ему, а теперь после того, что он со мной

сделал, у меня не осталось ни капли симпатии и уважения к нему. Помимо того, он всегда был слаб и нерешителен; даже сейчас он, как рассказывает Райма, не может одернуть этого Риджелло, а лишь дергает плечом, когда его кузен мерзко пощелкивает пальцами... Наверное, и отец мой сожалеет о своем решении, но сказать об этом — значит пойти на верную смерть! Выходит, все, на что я решилась из чувства долга, — все это оказалось напрасным! У Офира нет наследников, и, похоже, что и не будет, ибо супруг мой Морантес холоден к женщинам. Его больше интересуют... ну, ты понимаешь, о чем я хочу сказать... Ко всем прочим бедам добавилась еще одна — со мной нет Звезды Хораллы. Какой-то мерзавец украл талисман около года назад...

Кафратес был личным целителем королевы, но никогда особенно не интересовался делами королевской семьи и жизнью двора — именно поэтому ему и позволяли посещать темницу королевы. Выслушав ее, лекарь задумался, поглаживая седую бороду. До сих пор королева не говорила с ним о таких вещах, и то, что теперь он сделался причастным к секретам ее жизни, могло лишить его — если кто-то узнает об этом — не только должности придворного лекаря: в опасности могла оказаться и сама его жизнь.

Кафратес знал принцессу Марэлу еще ребенком, и с тех пор всегда находился рядом с ней. Он был рад, что теперь, когда ей особенно нужна его помощь, он сможет сделать что-то для этой женщины, которую он так любил. Кафратес даже почувствовал тайную гордость за себя, ведь он стал настоящим участником заговора, он не испугался встретиться с этими двоими: седым капитаном из бывшей королевской гвардии и молодым варваром-гигантом с холодными глазами цвета сапфира!

Конечно, их план на редкость рискованный и имеет не так уж много шансов на успех, но предпринять хоть что-то для спасения несчастной королевы просто необходимо...

— Моя госпожа, — обратился он к Марэле, ласково прикоснувшись к ее волосам, чтобы успокоить, — тебя угнетает заточение, невозможность встретиться с друзьями и отсутствие новостей с воли. Однако не предавайся отчаянию, помощь придет — и, может быть, быстрее, чем можно предположить. Королева резко выпрямилась, откинув с заплаканного лица прядь шелковистых волос.

— Пока со мной была Звезда Хораллы, ее сила защищала меня от Морантеса. Теперь же ему все равно, что произойдет со мной. Ты добрый друг, Кафратес, но пойми, я теперь совершенно беззащитна!

— Мне неизвестно о силе этого камня, — сказал Кафратес.

— Ты можешь рассказать о нем?

Королева кивнула.

— Если ты слышал какие-то легенды, не верь им. Все эти слухи и сказки о камне — сплошные выдумки! Даже Морантес, наслушавшись подобной чепухи, стал считать, что я привораживаю с помощью Звезды Хораллы мужчин. Как ты думаешь, мне нужно колдовство, чтобы привлечь нормального здорового мужчину? — Королева поднялась с ложа и потянулась, как грациозная кошка. Ее прекрасные формы, слегка прикрытые полупрозрачными одеждами, коралловые губы, пышные волосы — все в ней было настолько прекрасным, что Кафратесу, хоть был он уже не в юношеском возрасте, с трудом удалось опустить глаза. Вопрос королевы не нуждался в ответе — любому мужчине все было ясно с первого взгляда.

— Ну, а теперь выслушай историю этого камня, — Марэла задумчиво прошла в угол комнаты, вернулась к ложу, нахмурила брови и начала свой рассказ.

— Первым владельцем Звезды Хораллы был мой предок в седьмом колене, граф Аларкар. В своих путешествиях этот человек достигал земель, где до него не ступала ноги ни единого офицера. В одном из таких походов ему пришлось пересекать вендинские джунгли... Там он встретил отшельника, который в одиночестве жил в тех местах. Сама судьба послала ему графа Аларкара — у отшельника была сломана нога, и он не мог даже собрать урожай со своего поля. Еще немного, и он умер бы от голода! Но Аларкар со спутника вылечили старика, собрали и обмолотили зерно...

— Моя госпожа, — робко прервал королеву Кафратес, — я пришел к тебе с очень важными известиями...

— Дослушай же меня, — остановила его речи Марэла. — Итак, в благодарность за спасение старец показал графу развалины древнего города Хораллы. Под камнями храма отшельник открыл тайник и разрешил Аларкару выбрать все, что душе угодно. Граф, однако, соблазнился лишь перстнем с большим сапфиром. В синеве этого камня как будто горел серебристый холодный огонь...

Изумленный Кафратес не смог удержаться от вопроса:

— Почему же он не взял еще чего-нибудь?

— Трудно сказать, — ответила королева. — Во-первых, он не был алчным человеком, а во-вторых, он и так владел огромным состоянием и, может быть, не хотел подвергать искущению свою свиту или боялся встречи с разбойниками. Как бы то ни было, он взял лишь это кольцо. Отшельник был могущественным чародеем; если бы на сокровища

Хораллы позарились разбойники, то в его силах было покарать их любым колдовством. Потрясенный благородством Аларкара, старик решил наградить его щедрее, чем просто красивым перстнем. Он сказал: «Я сделаю так, что в руках достойных людей этот камень будет собирать вокруг них людей столь же благородных, и они вместе смогут совершить много добрых дел». И он заколдовал этот перстень, как и было обещано.

Королева замолчала, а Кафратес задумался и, помедлив, решился задать еще один вопрос:

— Не понимаю, какой толк нам от него сейчас?

Королева резко обернулась.

— Двести лет прошло с той поры, как Аларкар, с помощью магического камня, сумел примирить короля с нобилями, добиться соглашения, определявшего права и обязанности жителей страны и его правителей. Жаль, что предательство и неразумие не дало этому договору полностью воплотиться в жизнь, но... Раздался звон стекла. В распахнувшемся окне появился синеглазый гигант в черных одеждах, с обнаженным мечом, сверкавшим подобно молнии.

В левой руке он сжимал какие-то необычные металлические штуковины, напоминающие орлиные лапы. Великан, мягко спрыгнул с подоконника, положил на ковер свой меч и странные железки, а сам присел на табурет и не спеша освободил сапоги от точно таких же приспособлений. Затем он быстрыми и бесшумными шагами направился к двери. Приложив к ней ухо, он внимательно прислушался к тому, что происходит снаружи, и, наконец, весело улыбаясь, повернулся к королеве и ее лекарю.

Оба они не могли опомниться от изумления, но если Кафратес потерял дар речи на некоторое время от неожиданного появления киммерийца, то Марэла в первую очередь была очарована его гибкими и плавными, как у пантеры, движениями.

— Конан! — овладев собой, воскликнул Кафратес. — Ты влетел сюда, как дракон, а я еще даже не успел ничего рассказать королеве!

Киммерийцу было не до упреков целителя. Сказать по правде, он не мог отвести глаз отстройной фигурки королевы.

— Моя госпожа, — наконец заговорил он. — Тебе, наверное, надоело находиться в заточении?

— И ты еще спрашиваешь, незнакомец?! Но как отсюда выбраться?

— Проще простого. Если я забрался сюда по стене, то так же выберусь и обратно — с помощью этих вот железок. Ну, а ты — вместе со мной, у меня на спине.

Лицо королевы порозовело от волнения:

— Но куда же мы пойдем с тобой, чужестранец?

— Куда прикажешь, моя госпожа! Но сначала имеет смысл отправится в какое-нибудь безопасное место, чтобы ты могла спокойно выслушать меня. Видишь ли, у меня есть одно предложение...

— Вы забыли обо мне! — завопил Кафратес. — Если стража обнаружит, что королевы здесь нет, то меня освежают, как кролика, да еще живьем!

— Надо взять его с собой! — Марэла умоляюще смотрела на киммерийца.

— Нет, когти дракона не выдержат троих, — покачал головой Конан. — Но я позабочусь, чтоб лекаря не заподозрили в пособничестве нашему бегству. Надо все сделать очень быстро, под башней ждет с лошадьми Гарас.

— Так Гарас жив? — воскликнула королева. — Мы можем полностью доверять этому человеку.

— Не время для разговоров, моя госпожа! Надо поторопиться!

Королева повиновалась, хотя для нее было непривычно подобное обращение. Даже охранники оставались с ней почтительны, а то, как с ней разговаривал северный варвар... просто неслыханно! Однако она, не произнеся ни слова, удалилась, и через некоторое время вышла из средней комнаты, успев переодеться в охотничий костюм. Увиденное ею доказывало, что Конан не привык бросаться словами: Кафратес, спеленатый, словно кокон, с кляпом во рту и огромным синяком под глазом, лежал у ложа — не понимая, ни что произошло с ним, ни где он вообще находится.

— Что ж, неплохо! — сказала королева, взглянув Конану прямо в глаза. — Никто не заподозрит целителя в том, что он помог мне сбежать.

Конан тоже глядел на нее не отрываясь — охотничий костюм отнюдь не скрывал, но лишь подчеркивал прелести ее фигуры: бархатная куртка и шелковые обтягивающие штаны, тонкие кожаные сапоги сидели на ее стройном теле как влитые. С некоторым усилием киммериец овладел собой и со вздохом обратился к королеве:

— Не бойся, моя госпожа, опасности для тебя нет; когти дракона — штука надежная. Главное, не шевелись, чтобы мне удавалось сохранять равновесие, а если боишься высоты, так просто зажмурь глаза. Я сейчас привяжи тебя шарфом к спине, как крестьянки привязывают своих детей. Руками возьмись за мою шею, а ногами обхвати меня за пояс.

Киммериец, присев на табурет, нацепил свои приспособления на ноги,

затем привязал Марэле и, осторожно пятясь в окно, вылез наружу. Спуск он начал очень внимательно и медленно — все-таки нагрузка на когти была двойная. Он тщательно выбирал место, куда поставить ногу, за какой камень уцепиться рукой — он был не один, и не в его правилах было рисковать жизнью доверившегося ему человека — тем более, женщины, даже если б она и не являлась королевой.

Медленно, осторожно, минуя выступ за выступом, камень за камнем, они спускались вдоль стены. Луна не светила на небесах, в спящей Ианте было темно и тихо; даже лай собак не тревожил сон горожан.

4. Пламя в скалах

Конан и его спутники галопом пронеслись по улицам города мимо стражников, которые, устав за день, не обратили на них никакого внимания. Выехав за город, беглецы помчались вперед по мощеному тракту, пролетая деревни, удаляясь все дальше и дальше от башен Ианты. Наконец, они смогли позволить отдых лошадям и пустили их легкой рысью, а потом перешли на шаг.

— Кто же ты, мой спаситель? — спросила королева.

— Я родился в Киммерии, на севере, но так получилось, что жизнь бросала меня по разным краям, и мне пришлось участвовать в стольких сражениях и войнах, что не всякому мудрецу под силу сосчитать.

— Ты говорил, что спасаешь меня, потому что у тебя есть ко мне какое-то дело?

— Да, — ответил Конан, усмехнувшись, — кое-какие дела у меня к тебе есть, более того — мне хотелось бы получить за них и подходящее вознаграждение.

— Интересно, то же т мне хочешь предложить? Но сейчас я не могу расплатиться даже куском хлеба... Что может королева без королевства?

— Нам надо побыстрее уехать из этих мест. Остановимся на ночлег, тогда и поговорим.

На отдых они расположились только к концу следующего дня, для чего забрались поглубже в скалистое ущелье, чтобы с дороги нельзя было увидеть отблесков костра. Прежде всего путники сняли упряжь с лошадей, напоили их из чистейшего горного источника, и, стреножив, оставили щипать травку на лужайке рядом с лагерем. Конан еще в Ианте наполнил сумки едой: хлебом, сушеными фруктами, мясом, — и, конечно, не забыл про вино: купил на рынке целый бурдюк кофийского.

После ужина киммериец решил сперва обдумать свой предстоящий разговор с королевой. Он прилег на траву, подложив под голову седло, и размышлял, время от времени бросая короткие взгляды на Марэлу. Завладев камнем, он строил планы, как явится во дворец и получит в награду за возвращенное сокровище благородный титул и тысячу — а может, и не одну, — золотых монет. Но сейчас он валяется на траве, как простой батрак, а королева — вот она, рядом с ним! Скорчилась у костра... беглянка — без денег и без дома... Трудно даже поверить, что эта стройная, прелестная или хрупкая женщина и есть огирская королева,

умевшая привораживать мужчин с помощью камня, который сейчас находится в его руках...

Наконец Конан решил приступить к делу.

— Так получается, госпожа, что у Кафратеса никогда нет времени, чтобы довести свои рассказы до конца: тебе он не рассказал обо мне и нашем плане, а мне не успел рассказать все о драгоценном камне, который помогал тебе соблазнять мужчин.

Марэла взглянула на Конана с явным удивлением.

— Как видно, и до тебя дошло эти глупые слухи... Дело в том, что сапфир Хораллы достался моему далекому предку во время его пребывания в Вендии. Два столетия назад некий маг-отшельник подарил камень графу Аларкару...

И королева поведала Конану историю этого камня, кое-что из которой ему было уже известно по рассказам Кафратеса.

— Итак, возвратившись домой, Аларкар решил созвать глав всех благородных фамилий, дабы подписать объединительную хартию, и тем самым укрепить королевство, — голос Марэлы внезапно дрогнул, и на глаза навернулись слезы. Наверное, мысль о предательстве, произшедшем две века назад, все еще не давала ей покоя. Внезапно она обратилась к Гарасу: — Капитан, тебе известно что-нибудь о Битве СтА Одного Меча?

— Конечно, моя госпожа, я слышал эту легенду. — Гарас уже засыпал, и потому голос его был глухим и чуть хриплым.

— С того времени минуло столько лет, и что тогда случилось на самом деле, никто не знает. Говорят, что представители рыцарских родов прибыли к Аларкару в замок Теринго, чтобы провести переговоры об устройстве королевства. С ними была только свита. Собравшись на поляне возле замка, они начали обсуждать все эти дела, но ни о чем не сумели договориться и вроде бы разъехались. А про графа больше ничего не было слышно, он куда-то исчез...

— Я расскажу вам, что было на самом деле, — прервала его Марэла. — В моей семье из поколения в поколение передавалась правда об этом трагическом случае.

Граф Аларкар созвал всех представителей знати для того, чтобы объединить ослабевший Офир; иначе страна сделалась бы легкой добычей соседей, Кофа или Турана. Переговоры шли со скрипом, но мой предок, тем не менее, не решался применить силу принадлежащего ему волшебного камня.

Гарас подбросил в костер охапку поленьев. Из вспыхнувшего с новой силой пламени вырвался густой сноп искр. Отхлебнув глоток вина,

королева продолжила свою речь:

— Внезапно часть нобилей — граф Фродеол, барон Лоуднер и еще некоторые — бросились к своим лошадям, свита последовала за ними. Они вскочили на коней и галопом умчались с поляны, где шли переговоры. Но первым ушел и подал знак остальным предателям граф Меканта. Кстати, этот мерзавец Риджелло — его потомок!

Но и это еще не все. Как только предатели исчезли из виду, оставшиеся на поле — а их было около сотни человек: графы, бароны и их свита — почти все приняли смерть. В лесу граф Меканта спрятал засаду из арбалетчиков, а рыцари были без оружия.

Голос королевы дрогнул, глаза заблестели от слез. Конан положил руку на ее плечо, чтобы успокоить, и она непроизвольно приникла головой к его широкой груди.

— Что же было дальше? — осторожно спросил киммериец.

— Несколько человек, которым посчастливилось остаться в живых — а среди них был и Аларкар — сумели добраться до коней и пустились в погоню за предателями, но через несколько сотен шагов их встретили войска Меканты. Бой был неравным; кроме солдат, Меканта вооружил и своих крестьян.

Аларкар сражался до тех пор, пока не был пронзен стрелой из арбалета.

Марэла задумалась, картины битвы, о которой ей говорили еще в детстве, вновь заполонили ее память, но низкий голос Конана заставил королеву вздрогнуть:

— Клянусь Митрой, мир был устроен так во все времена — нобили делят власть и убивают друг друга из-за нее!

Случается, в открытом бою, а бывает и подло, в спину! Тут нет ничего нового.

Королеве было неприятно такое мнение о ее доблестных предках, и она поторопилась закончить свой рассказ:

— Убитых похоронили, замок был разрушен, но кое-кому, в том числе графине с малюткой-сыном на руках, удалось бежать. Этот мальчик стал моим предком, а прах других и по сей день лежит в земле у замка...

— А что случилось с магическим камнем? — осторожно напомнил Конан.

— Аларкар совершил ошибку, когда не решился использовать его магическую мощь; ему казалось что столь разумное предложение и так будет одобрено всеми. Камень уже унесла с собой его вдова, повесив на грудь, как медальон. Вскоре она вышла замуж в другой стране, а сын, когда

вырос, вернулся в Офир, сумел возвратить наши земли, и наш род вновь продолжился здесь. Камень, как наследная реликвия, все это время хранился в нашей семье, а история, рассказанная мной, переходила вместе с сокровищем от отцов к детям.

— Если бы камень вернулся к тебе, чтобы ты сделала? — словно невзначай спросил варвар.

— Использовала бы его магическую власть! Обладая Звездой Хораллы, я не испугалась бы выступить против этого мерзавца Риджелло! Вместе с честными людьми Офира я сумела бы сделать так, чтобы король, мой супруг, перестал слушать этого самозванца, и тогда Офир вновь был бы объединен под рукой одного владыки.

Конан многое видел в своей жизни, но даже его поразила безрассудная смелость этой изящной хрупкой женщины. Здесь, среди скал, без гроша в кармане, имея рядом всего двух верных людей, она мечтала о схватке с негодяями и узурпаторами.

— Моя госпожа... — начал он. Голос варвара чуть дрогнул, но, овладев собой, он твердо продолжал: — Похоже, я смогу оказать тебе кое-какую услугу в этом деле.

С этими словами он вытащил из кошеля волшебный перстень и протянул его Марэле.

— Вот твоя семейная реликвия, госпожа! Мне кажется, будет правильно, если ты сама распорядишься ею. Королева была настолько ошеломлена, что язык отказывался ей повиноваться:

— Это... это... Звезда Хораллы?..

— Я не благородный нобиль, как твои предки, но тебе сейчас нелегко, и мне хочется помочь смелой женщине.

Королева ошеломленно смотрела на камень, в синеве которого сверкало холодное пламя.

— Конан, то, что ты сделал, не имеет цены! Чем же мне тебя отблагодарить?

Пламенным взглядом киммериец просто пожирал женщину, и глаза его были красноречивее всяких слов. Королева поняла и, так же не говоря ни слова, легким жестом дала понять, что ее королевское достоинство не позволяет согласиться на это предложение. Немного смущившись, Конан сказал:

— Не время сейчас требовать награды. Если ты сумеешь возвратить трон, я навещу тебя во дворце. Ты сможешь сделать меня полководцем своей армии?

Королева, не зная, что ответить, взглянула на Гараса.

Тот ухмыльнулся.

— Не прогадаешь, моя госпожа! Чего только не перепробовал тот парень: командовал отрядом наемников, был пиратом, предводителем разбойничьей банды и турецким сотником... Хватит не на одну жизнь! Такого человека надо еще поискать, — капитан огладил бороду и хмыкнул. — А кто придумал, как спасти тебя, моя королева? Кто сумел довести план до конца? Меч и кинжал в его руках творят чудеса, уж поверь мне! Так что, моя госпожа, ты можешь согласиться; лучшего военачальника тебе не найти.

— Тогда будем считать вопрос решенным, — кивнула королева.

5. Погоня

В тронном зале граф Риджелло неподвижно стоял перед королем — точь-в-точь легавая, ожидающая команд. Морантес в задумчивости мучительно соображал, как ему поступить. Если он действительно отошлет этого графа подальше от двора, его родичи и сторонники того и гляди взбунтуются и встанут на его защиту. К тому же, пока Риджелло здесь, нет опасности, что найдется претендент из какой-нибудь далекой королевской родни, хотя бы этот троюродный братец Амалрус, желающий предъявить свои права на трон. Люди они невежественные и не знают жалости, так что исход был бы ясен... Король поднял лаза на потомка Меканты. Тот выглядел как человек, готовый к боевому походу; черная кольчуга, меч и кинжал у пояса, шлем — тоже черного цвета — лежал рядом на столе.

Риджелло забавлялся, наблюдая, как король пытается принять самостоятельное решение — граф прекрасно знал, что оно будет таким, какое нужно ему. Он, человек весьма крутого нрава, просто изображал верность и почтение перед этим нерешительным и слабым коронованным слюнтям.

— Мой господин, — прервал он, наконец, затянувшееся молчание. — Я не сомневаюсь в том, что это похищение королевы было совершено с ее согласия: окно раскрыто, лекарь в беспамятстве, связан, во рту кляп. Только дай приказ, мой король, и я с сотней своих людей брошусь в погоню.

— Но, Риджелло, как можно забраться на башню? — голос короля дрогнул и сорвался на фальцет. — Стена отвесная, в ней не меньше сорока локтей высоты!

— Это не так уж важно. Может быть, они спустились на веревке, хотя веревку и не нашли; может быть еще каким-нибудь образом. Главное в том, что королева исчезла и наверняка организует заговор! Я тысячу раз предупреждал тебя о мятеже, и теперь как раз подходящий случай, чтобы уничтожить всех этих смутьянов-аристократов. Надо найти королеву, иначе бунт неизбежен — и весьма скоро! Морантес в задумчивости грыз ногти, оглядывая роскошный тронный зал и стражников, подобно истуканам застывших у дверей, как будто они были в силах принять за него решение. Но, конечно, они не могли ничем помочь королю, и тот с тоской вновь обратил взгляд к Риджелло:

— Что же мне делать, как ты думаешь?

— Даже имея самых резвых коней, нужно время от времени давать им роздых. Поэтому уйти далеко они не могли. У моих всадников есть запасные лошади, да и в любом месте, будь то селение или замок, они смогут взять сменных коней. Так что осталось заручиться твоим приказом, повелитель, и беглецы будут схвачены.

— Но мы же не знаем, в какую сторону они могли поехать... — король явно пытался оттянуть решение.

— Это вычислить несложно, — отозвался Риджелло. — Королева может найти поддержку? Конечно же, на северо-западе, там, где находятся ее родовые земли, в замке Теринго!

— А если у королевы вновь оказалась Звезда Хораллы? — продолжал вяло отбиваться Морантес. — Ты не сумеешь противостоять колдовской силе этого камня... и вообще никакой мужчина не сможет победить ее, если с ней будет перстень с этим сапфиром!

— Мой господин, если бы у королевы был перстень, то ей не пришлось бы бежать через окно — достаточно приворожить охрану и выйти из башни, как все обычные люди, через дверь. Да и потом, прошел уже целый год, как была похищена Звезда Хораллы, и никто с тех пор не видел камня и ничего не слышал о нем.

Король, наконец, решился; разумеется, на то, чего желал Риджелло:

— Ты думаешь так же, как я! И вот тебе мой приказ: догнать беглецов, схватить и бросить в застенок к палачам!

Покинув тронный зал, Риджелло не отказался от невинного удовольствия: подошел к зеркалу, чтоб полюбоваться на мужественного и решительного рыцаря в черных доспехах. Он улыбался, представляя, как схватит Марэлу, поднимет восстание и сбросит с трона этого жалкого слюнтяя. Королева очень популярна — и в городе, и среди крестьян, так что провернуть дельце будет нетрудно. А если убить Морантеса и жениться на Марэле, то тогда трон Офира окажется у него в руках.

Марэла, разумеется, будет счастлива, что ее супругом будет настоящий мужчина, а не этот коронованный извращенец! Если же она не примет его планов по добной воле, то есть весьма убедительные способы принудить ее к этому. Он натянул на руки кольчужные перчатки, поправил пояс с оружием и, сбегая по лестнице во внутренний двор, громко отдал команду:

— Моего коня! В погоню!

6. Замок Теринго

Конан спешился, не доехая до вершины холма, бросил поводья Гарасу, а сам двинулся к густым зарослям. Слегка отодвинув ветви, он, не высовывая головы, внимательно оглядел противоположный склон холма и расстилавшуюся за ним равнину.

— Почему он так медлит? — теряя терпение, обратилась королева к Гарасу. — Нам ведь нужно как можно быстрей оказаться у границы с Аквилонией!

— Не сомневайся, моя госпожа, Конан — опытный воин. Он столько раз совершил побеги и участвовал в битвах, что другому и за целую жизнь столько не выпадет, а ведь лет этому варвару, пожалуй, раза в два меньше, чем мне. Если кто и может найти безопасное место, так это наш киммерийский приятель.

Наконец Конан жестом подозвал их к себе. Поднявшись, королева и капитан осмотрели местность по другую сторону гребня: какие-то руины на невысоком холме, а за ними — блестевшие на солнце воды реки, которая, огибая препятствия, плавно уходила вдаль.

— Мне незнакомы эти места, — шепотом произнесла королева.

Конан продолжал, напрягая зрение, вглядываться вперед.

— Аквилонская граница недалеко; я думаю, что она проходит вот по тем вершинам. Нам надо только миновать луг и найти переправу на реке, а там огирцам будет уже непросто гнаться за нами — в Аквилонии не очень-то любят, когда на их землях появляются вооруженные чужестранцы.

Вернувшись к лошадям, беглецы, не теряя времени, спустились по склону холма. Ева они очутились на поле, как сзади раздался мерный стук множества копыт. Киммериец повернулся назад и замер, прислушиваясь. Впрочем, сомнений не было: за ними гналась огирская конница.

— Пришпорьте коней! — крикнул Конан, привстав в стременах. — Погоня настигает!

Кони стремительным галопом помчались по направлению к руинам замка. До реки, которая была для них спасительным рубежом, осталось уже рукой подать, но огирские конники, мчавшиеся развернутым строем, были быстрее. Обученные воины знали свое дело — края цепи стали сходиться, отрезая беглецов от аквилонского рубежа.

— Нергалово племя! — воскликнул Конан. — И где они успели научиться гирканским приемам? Было уже ясно, что от всадников,

скакавших на свежих лошадях, им не уйти.

— Давайте к замку! — крикнул варвар. — Там мы сможем обороняться! А если придется погибнуть, то на Серые Равнины уйдем не одни — прихватим с собой кое-кого из этих ублюдков!

Поравнявшись с развалинами, Конан и его спутники соскочили с лошадей и быстро провели их через руины главных ворот. Все вокруг было завалено камнями из осыпавшихся стен, однако внутри замка сохранилась хоть и наполовину разрушенная, главная цитадель. Верхнее ее этажи были снесены, но оставшийся каменный цилиндр был достаточно высоким, чтобы противник не пытался одолеть его без штурмовых лестниц.

— Это нам подойдет! Через развалины они перебраться смогут, а здесь к нам уже с тыла не зайдешь, — сказал Конан. — Пусть попробуют схватить нас! Так что давайте быстрее в башню! — поторопил он своих товарищей.

Двери в башню давным-давно не существовало. Конан, отпустив лошадей, буквально пропихнул Марэлу в узкий вход — через него можно было пропихнуться только по одному. Все было сделано вовремя — два первых всадника уже перебрались через руины замковых стен и скакали к замыкавшему отступление киммерийцу.

Первый из них, попытавшийся рубануть варвара мечом, мгновенно остался без руки — хруст разрубаемой плоти доставил Конану немалое удовлетворение. Не дремал и Гарас: он, увернувшись от копыт, кинжалом распорол брюхо коню, а когда солдат попробовал выбраться из-под рухнувшего животного, Конан отрубил ему ногу. Предсмертный хрип коня и вопли всадника огласили окрестности. Неожиданно киммериец и капитан получили небольшую передышку: следующий преследователь слишком торопился настигнуть их, и его конь споткнулся на развалинах главных замковых ворот. Голова всадника пришлась о камень и раскололась, словно спелый орех, а его лошадь бившаяся в предсмертных судорогах, не позволяла остальным преодолеть проход. Это время Конан и Гарас потратили не зря: оружие, оставшееся от поверженных врагов, несомненно могло им пригодиться в дальнейшем. Особенно ценным трофеем были два арбалета, а к ним — колчаны с арбалетными болтами.

— Уходим! — крикну Конан. Пропустив Гараса, он проскользнул за капитаном в башню. Беглецы приготовились в обороне, и тут внимание Конана привлекло необычное поведение королевы, стоявшей в нескольких шагах от него. С полубессмысленной улыбкой на губах Марэла, казалось, будто бы впала в непонятный транс.

— С тобой все в порядке, госпожа? — осторожно тронув ее за локоть,

спросить киммериец.

— Ты знаешь, где мы находимся? — вместо ответа отозвалась королева.

— Еще бы! — усмехнулся Конан. — Мы в двух шагах от Аквилонии, вот только шансов добраться до нее у нас пока маловато!

Марэла будто бы не поняла его и указала рукой на развалины стен:

— Нет, я говорю об этом! Мы в замке Теринго! Там, где был предательски убит мой предок, граф Аларкар!

Конан несколько удивился странности ее поведения, но сейчас он не мог терять времени на пустяки: надо было готовиться к новой схватке. Неожиданно Марэла взяла арбалет и обратилась к Гарасу:

— У меня не хватает сил подготовить его к стрельбе, капитан. Ты не мог бы мне помочь? Когда Гарас выполнил ее просьбу, она взяла оба взвешенных арбалета и, поднявшись по лестнице, лепившейся к стене башни, нашла узкую бойницу. Дневной свет, проникавший через отверстие, освещая каменную площадку, где и остановилась королева.

Офирские солдаты пошли на штурм.

7. Рыцари минувшего

Дважды атака не принесла успеха нападавшим. Вход был таким узким, что солдаты даже не могли воспользоваться длинными копьями, тогда как Конан и Гарас, поднявшись на пару ступенек, перехватывали древки у самых наконечников и рубили мечами по головам солдат. Те, стиснутые в узком проходе, не могли как следует развернуться и были не способны противостоять точным ударам Конана и капитана. К тому же, стремясь облегчить амуницию для погони, преследователи не надели металлических доспехов, а легкие кожаные панцири не защищали от ударов меча и кинжала.

Капитан и киммериец были экипированы гораздо надежней — в стальные кольчуги и шлемы, а потому груда тел офицеров уже почти завалила дверной проем.

Королева тоже внесла свою лепту: два ее выстрела из арбалета оказались удачными. Марэлу нельзя было назвать умелым стрелком, но, целя в толпу перед башней, было тяжело промахнуться.

Теперь королева стояла вместе со своими спутниками, прислонившись к стене, и отдыхала, ожидая, когда один из мужчин вновь взведет ее арбалеты.

Потерпев неудачу, нападавшие откатились назад, за развалины замка. Конан собирал оружие, как бревна раскидывая тела мертвых и раненых врагов, и не прислушивался к их предсмертным стонам и воплям.

* * *

Граф Риджелло верхом на лошади расположился у подножья холма. За время погони его доспехи покрылись толстым слоем пыли, так что теперь он выглядел не черным, а, скорее, серым рыцарем. Граф нетерпеливо поджидал сообщения десятников, раздосадованный неудачным штурмом и упорным сопротивлением оборонявшихся.

— У вас сотня опытных людей, а там — всего трое! — заорал он на подскакавшего к нему всадника. — Сотня воинов против двух оборванцев и женщины! Или вы забыли, с какой стороны берутся за меч?

— Господин! Мы ничего не можем поделать с этим варваром! — оправдывался десятник. — Его клинку не может противостоять никто. Мы

потеряли уже сорок человек и не можем даже забрать раненых. Солдаты бояться его...

Пожалуй, у них не хватит смелости и сил на новую атаку.

— Вот вернемся в столицу, я разберусь с вами! Со всеми разберусь, недоумки! — рявкнул граф, придя в ярость. — А женщина что ж? Или с ней тоже никак не справиться?

— Разреши, пусть ею займутся наши арбалетчики! Она стреляет не хуже гирканского наездника и уже прикончила многих!

— Нет! Ни в коем случае! Она нужна мне живой, чего бы это ни стоило! — воскликнул граф. — Кстати, ты навел меня на мысль. Сколько осталось арбалетчиков?

— Не больше двадцати человек, мой господин.

— Тогда сделай вот что: пусть все они с заряженными арбалетами направятся к замку. Когда минут стены, ползком или пригнувшись, как хочешь, но чтобы все подошли к башне и выстрелили разом! Тогда хотя бы одного из защитников мы прикончим, а второго задавим числом. Если удастся убить обоих, туда им и дорога! Но за женщину ты мне ответишь головой. Понял?

Довольный своим планом, граф наблюдал, как солдаты поднимаются по склону холма. «Теперь меня не остановить», — подумал он, уже ощущал ягодицами не жесткую кожу седла, а мягкие подушки королевского трона.

Внезапно сладостные мечты Риджелло прервало поразившее его зрелище. Глаза графа чуть не вылезли из орбит: солдаты, шедшие в атаку, вдруг остановились на склоне, испуская панические вопли. А затем... Граф не верил своим глазам! Меж строем нападавших и развалинами замка внезапно появилась лавина вооруженных рыцарей на мощных скаакунах. Они были облачены в древние доспехи, но строй их щетинился копьями и блестал клинками, направленными на отряд Риджелло. Солдаты графа замерли, потом дрогнули арбалетчики: побросав свое оружие, они побежали к лошадям. Остальные, оторопев от неожиданности, застыли, а затем присоединились к бегущим. Вскочив на лошадей, все воинство Риджелло в ужасе помчалось прочь.

— Копыта Нергала! — гневно заревел граф, пытаясь остановить солдат. — Стоять! стоять, я вам говорю! Обороняться! Да что же это такое?!

Потеряв голову, совершенно не соображая, что делает и творит, граф поскакал навстречу атакующим и ворвался в их строй. В это мгновение стрела, пущенная из арбалета, пробила его шлем и вонзилась в голову.

8. «Нам не дано предугадать...»

— А ты неплохо стреляешь — воскликнул Конан. Он покинул замок со своими спутниками, чтобы посмотреть на окончательный разгром огирцев. Захохотав, варвар предложил Марэле: — Если меня найдут в какую-нибудь армию, а я возьму тебя арбалетчиком, госпожа. Конечно, если тебе надоест королевский трон.

Внезапная мысль заставила его оборвать смех, и он, уже серьезно, спросил королеву:

— Это действовала магическая сила перстня? Как появились эти воины? И куда они исчезли, обратив в бегство наших врагов?

— Да, то была Звезда Хораллы! — улыбнулась королева. — Теперь, наконец, обретут успокоение души тех благородных рыцарей, соратников Аларкара, которые два века назад пытались спасти Офир. Пока Звезда не проявила свою магическую мощь, их долг не был исполнен до конца. Души рыцарей томились в ожидании этого дня.

— Так они — настоящие люди? — не успокаивался киммериец.

— Из плоти и крови? Или же это были бесплотные призраки, которые проходят мимо нас, как туман, и так же рассеиваются?

— Мне сие неизвестно... И думаю, что об этом не ведомо никому. Но сейчас имеет смысл сначала побеспокоиться о наших телах — то есть, скорее, о ваших. Давайте я попытаюсь перевязать ваши раны.

Они подошли к ручью, журчавшему невдалеке, торившему дорогу к речным водам. Марэла, обмыв раны своих спутников, покрытые грязью и запекшейся кровью, перевязала их кусками материи, оторванной от одежд погибших врагов.

Наложив последнюю повязку, Марэла глубоко задумалась. К реальности ее вернул голос Конана.

— И что же дальше, великая королева? Я думаю, что теперь, когда нет Риджелло, найдется немало охотников прибрать к рукам огирского короля.

Марэла ответила далеко не сразу:

— Я надеюсь на Звезду, на свой талисман. Правда, хороших и верных людей мало, если искать их среди богатых и знатных. Но, думаю, перстень поможет мне их объединить... — Вдруг она смолкла и, глядя на свои руки, в отчаянии закусила губу. — Великий Митра, где же она?! Моя Звезда! Неужели я опустила ее в ручей, когда зачерпывала воду?! Пока не село солнце, мужчины пытались отыскать пропавшее кольцо, но тщетно. Или

течение уже унесло Звезду Хораллы вниз, в реку, или песчаные наносы скрыли перстень от людских глаз... Дальше искать было бессмысленно. Рыдая, королева в отчаянии корила себя:

— Только она вернулась, и по моей вине пропала вновь! А вместе с ней — и надежда! Я одна виновна в этом!

Конан обнял ее за плечи и сказал:

— Что поделаешь, девочка... Успокойся! К тому же, мне всегда не нравилась эта магия... что-то в ней есть такое... Марэла постепенно успокоилась, и когда она подняла глаза на спутников, они были сухими и блестящими.

— Чему быть, того не миновать! пожалуй, вряд ли я могла рассчитывать на победу в Офире, пусть даже и с помощью своей Звезды... Теперь не осталось и этих шансов, к тому же из Морантеса мужчины все равно не получится. Это было бы не под силу сделать, наверное, и самому митре! Что ж, пусть мужские дела решают сами мужчины — да помогут боги народу Офира и делам королевства! Мне же придется жить в Аквилонии, ибо близкие люди у меня есть только там.

— А на что же ты будешь жить? — спросил Конан.

Королева отвернулась и вытащила из-под одежды широкую плотную стеганную ленту, во множестве отделений которой были уложены драгоценные камни и золото:

— Вот, посмотри!

— Если какой-нибудь вор не положит глаз на эти штучки, то хватит надолго, — оценил драгоценности Конан.

— Я надеюсь, что Гарас не оставит меня, — ответила Марэла. — Ведь так, Гарас? Я могу на тебя рассчитывать?

— Госпожа! Я пойду за тобой туда, куда ты прикажешь!

— Спасибо, друг мой, — изящным поклоном поблагодарила его королева и, обернувшись к Конану, спросила: — Как твои планы, друг? Не поедешь ли и ты со мной? Правда, чин главнокомандующего, который я обещала тебе...

— Не беспокойся об этом, — покачал головой киммериец. — Мои намерения тоже изменились: съезжу-ка, я, пожалуй, домой, в Киммерию.

Что-то насторожило Марэлу в голосе варвара:

— В твоих словах я не слышу особой радости, Конан. Тебе, наверное, страшно возвратиться на север.

Конан засмеялся тихим смехом, от которого мороз пошел по коже:

— Парочка-другая старых врагов, конечно, ждут меня на родине, но этим меня не напугаешь. Я вообще не опасаюсь никого и ничего, кроме

колдовства, да и его не боюсь, а просто так, не люблю... Видишь ли, говоря по правде, Киммерия — это один лишь сон, тоска и скука, не то что на юге, в твоем теплом и богатом королевстве... — взглянув Марэле прямо в глаза, киммериец продолжал внезапно смягчившимся голосом: — кроме того, если есть хорошая компания, то путь не кажется долгим, да и на душе легче и приятней.

Тут жаркие и жадные взгляды Конана обежали все стройное тело королевы, коснулись ее тонкого, красиво очерченного лица, каскада струящихся по плечам золотистых волос... киммериец сжал руки Марэле в своих ладонях, глядя на королеву почти умоляющим взором.

Гарасу не потребовалось вмешиваться, потому что госпожа его, мягким движением освободив свои руки из ладоней Конана, ответила на его немой вопрос:

— Я не могу изменить супружеской клятве, и пока Морантес жив, я — его жена. Но ведь под луной нет ничего вечного! Пройдет время, и, как знать, мой брак может превратиться в воспоминание... — Она невесело улыбнулась. — Но отдать мне, зачем ты меняешь хайборийский юг, где такие смелые, сильные и благородные люди, как ты, имеют столько возможностей, на север, куда тебе даже не хочется возвращаться?

— Я еду только затем, чтобы кое-кого навестить.

— Кого? Какая-нибудь любовь юности?

— Нет, я собираюсь навестить пожилую женщину. Кто она и кем приходится мне — об этом знать не обязательно. — Конан смотрел на королеву равнодушным взглядом, но по блеску его синих глаз было видно, что он сильно разочарован. — Но позволь узнать, госпожа, где ты остановишься в Аквилонии?

Нам не дано предугадать грядущего... Может, и свидимся когда-нибудь.

— Моя родня — граф и графиня Альбионские. Это старики, детей у них нет, и они считают меня своей приемной дочерью, наследницей титула и владений. Возможно, — она с ласковой улыбкой взглянула на гиганта-киммерийца, — если тебе доведется посетить Аквилонию, ты встретишься не с королевой Офира, а с графиней Альбионской. А живут они совсем недалеко от Тарантии. Так что я не прощаюсь с тобой навсегда, мой варвар!